

Автор: Е. Т. Гайдар

Дата публикации: 31.05.2007

Лекция перед студентами в Голицино

Крах империи

Так как невозможно понять, что происходило в «ельцинские годы», вне контекста более ранней советской экономической истории, попытаюсь коротко рассказать о предпосылках событий 90-х. О том, почему мы получили ту экономическую ситуацию, которая сложилась в 91-м году. Потом расскажу о некоторых ключевых вопросах, которые определяли политику во времена президентства Бориса Николаевича Ельцина.

Много раз при обсуждении экономической политики 90-х годов я вынужден был отвечать на вопрос, почему мы не пошли по китайскому пути. В Китае был устойчивый экономический рост, в Советском Союзе – крах экономики. Почему же нельзя было поступить, как Дэн Сяо Пин, и сначала провести упорядоченные экономические реформы, а потом, как сейчас китайское руководство, думать о политических реформах? Неужели опыт не показывал, что такой путь более эффективен?

Эта тема обсуждалась в Советском Союзе. Те, кто знают советскую историю, помнят экономическую дискуссию 28-29-го годов. В эти годы советское руководство обсуждало вопрос о пути, который потом получил название «китайского». Кстати говоря, в 28-29-м годах по уровню экономического развития Советский Союз находился строго там же, где был Китай, когда он выбрал так называемый «китайский» путь (в 1979-м). Тогда в советском руководстве шла острейшая борьба вокруг выбора пути экономического развития. И не кто-нибудь, а председатель Совнаркома Рыков и главный идеолог партии Бухарин предлагали путь, названный потом китайским. Они предполагали сохранение финансовой стабильности, частного крестьянского хозяйства, рыночных механизмов и при этом – авторитарного контроля коммунистической партии. А Сталин предлагал другой путь, который мы и реализовали. Сталин победил.

Главным подспудным аргументом, который обычно не приводился публично, но хорошо виден из документов, было то, что говорил Бухарин: мы не можем в крестьянской стране заставить крестьянскую армию силой выбить хлеб у крестьян. Сталин же утверждал: а я заставлю. И показал, что в краткосрочной перспективе он был прав – заставил. Но только последствия этого были долгосрочные. Так бывает в экономической истории: что-то делаешь, а 10-летие спустя это дает результат, имеющий немалое значение. Последствием выбранной модели индустриализации, очень необычной для мировой истории, основанной на последовательном ограблении крестьянства, было

беспрецедентное падение продуктивности сельского хозяйства. Такого падения факторной продуктивности, эффективности сельского хозяйства, которое пережила советская деревня, ни одна крупная страна не знала.

Обычно в странах более развитых, чем Советский Союз (или Россия), никто никогда не дискриминировал крестьян по отношению к индустриальным рабочим. Там просто старший сын оставался владельцем крестьянского хозяйства, а младшие были вынуждены искать работы в городе. Но то, что они хотели сохранить статус крестьянина, было одной из важнейших причин эмиграции, скажем, из Англии в Америку, в Канаду. Они хотели быть крестьянами, так им было привычнее, чем работать в городе. А в Советском Союзе мы получили ситуацию, когда каждый способный мальчик и каждая способная девочка, родившиеся в деревне, где им платили в 10 раз меньше, чем в городе, где они не имели права на пенсию, где они были прикреплены к месту работы, у них не было паспортов, понимали, что главное, чего нужно добиться любой ценой – это сбежать из деревни. После этого нетрудно понять, какую мы получили социальную среду в деревне, и что произошло с эффективностью сельского хозяйства.

Уже в 1953-1954-м годах, после смерти Сталина, кризис аграрного сектора советского хозяйства был осознан руководством. То, что у нас растет на десятки млн. человек городское население, а при этом заготовки зерна 15 лет не растут, и это ключевая проблема советского хозяйства, прекрасно описано в записке Хрущева в Президиум ЦК КПСС в январе 54-го года. Дальше была длинная дискуссия, что делать – осваивать целину или вкладывать деньги в Нечерноземье. То решение, которое было принято при поддержке Хрущева – осваивать целину – с точки зрения советского, социалистического хозяйства, логично. Чтобы мало-мальски эффективно осваивать средства, вложенные в Нечерноземье, надо было еще раз попытаться пойти по «китайскому» пути, то есть, по меньшей мере, распустить колхозы. Но это никогда всерьез не обсуждалось, было идеологически за гранью возможного. И был серьезный риск, что, если мы вложим деньги в Нечерноземье, получим то, что получили в 60-80-х, а именно – ничего. Освоение целины – это социалистический метод ведения хозяйства, крупные инвестиции, целевые проекты, создание привилегий для тех, кто переезжает из деревни колхозной в деревню совхозно-целинную. Хрущев добился повышения объема закупок государством зерна на 20 млн. тонн и на 10 лет в какой-то степени снял ключевую проблему с зерном. Но, именно на 10 лет, а не навсегда. Дальше эффект целины закончился, заготовки зерна расти перестали. Мы вкладываем в село огромные ресурсы, принимаем резолюции на Съездах КПСС, - а заготовки не растут. Потому что разорили деревню

А городское население между тем растет на 80 миллионов человек. И как прикажете его кормить? Ясно, что только за счет импорта. Россия накануне Первой мировой войны была крупнейшим в мире экспортером зерна, вывозила его больше, чем Канада и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Когда в 1963-м году Советский Союз впервые в крупных масштабах закупил зерно, 12 млн. тонн, потратив на это треть золотого запаса, Хрущев писал об этом как о национальном позоре, который нельзя больше терпеть. Но пришлось терпеть, и долго. К 1980-м годам мы становимся крупнейшим в мире импортером зерна, покупаем его существенно больше, чем совокупность двух следующих за нами импортеров – Китая и Японии. Закупаем, в зависимости от колебания урожаев, от 35 до 45 млн. тонн. Михаил Сергеевич Горбачев на одном из первых совещаний, которое он проводил, говорил: ну мы же покупаем то, без чего жить не можем.

Закупаем за счет чего? Есть страны, которые закупают много сельхозпродукции за счет продукции своих обрабатывающих отраслей, скажем, Япония. Но советское руководство понимает, что почти ничего из продукции этих отраслей мы на мировой рынок поставить не можем. На закрытом совещании председатель Совета министров СССР Рыжков говорит: ну, не покупают они у нас ничего, кроме сырья. И тут мы получаем поразительный подарок в виде уникальных нефтяных месторождений Западной Сибири, которые открываем в начале 60-х годов и начинаем осваивать. Темпы роста добычи нефти в это время в этом регионе уникальные. Уже в 1970-м году Западная Сибирь – одна из крупных мировых нефтегазовых провинций, за следующие 15 лет добыча нефти растет в 13 раз. При этом в советском руководстве идут оживленные дискуссии, очень острые, жесткие, по поводу стратегии освоения. Скажем, квалифицированный и ответственный министр нефтяной промышленности Шашин неоднократно говорит своим коллегам из Госплана, из Совета министров и из ЦК КПСС; то, что делают с нефтью Западной Сибири – это авантюра. Так осваивать месторождения – значит убить их. Ему говорят: а с хлебушком у нас плохо. Тоже один из самых квалифицированных советских руководителей последних десятилетий, премьер-министр Косыгин имеет обыкновение звонить Муравленко, начальнику Тюменьнефтегаза, и просить: дай 3 миллиона тонн нефти сверх плана, с хлебушком уж очень плохо. Но после этого почему-то, по странному стечению обстоятельств, дебет скважин начинает быстро падать. Это значит на простом языке: то, что раньше стоило 1 рубль, стоит теперь 10 рублей – в капитальных вложениях, в текущей эксплуатации.

На это накладывается еще один фактор. Это специфика рынка нефти. Когда в реальном выражении цена на автомобили изменяется на 15% - это революция. А на рынке

нефти, цена меняется не на процент, а в десяток раз. И счастье брежневской эпохи связано с резким ростом цен на нефть. А дальше уже советская экономика приспособилась к тому, что цена на нефть достигает (в нынешних долларах) 80 за баррель. Академия наук регулярно направляет советскому руководству бумаги с прогнозами цен на нефть, и президент Академии пишет, что мы не знаем точно, какими они будут. Но руководители, отвечающие за экономическую политику, которых мучает проблема зернового дефицита, говорят: ясно, что такой, как сейчас и будет, или даже будет больше: машины же на воде ездить не смогут.

А она потом падает. Вот начало ельцинской эпохи. Падение нефтяных цен происходит ещё при Горбачёве, но проблема достается Ельцину.

Начало падения цен на нефть было предопределено общей ситуацией на рынке, но содержало и экономико-политический компонент. Советское руководство само имело обыкновение манипулировать рынком нефти. И должно было бы понимать, что это рынок очень необычный. В своей книге я цитирую письмо Андропова – Брежневу, излагающее суть наших переговоров с международным терроризмом – официальный документ, мы успели его рассекретить в 1992-м году. Речь в нём о том, как мы должны помочь в организации террористических актов, направленных против нефтепромыслов и крупных танкеров, чтобы поддержать высокие цены на нефть. Но если ты играешь на этом рынке таким образом, тогда не думай, что ты один такой умный. А ты еще потом умудряешься сделать фантастическую ошибку: на нефтяные деньги влезает в Афганистан. Сколько мы там потеряли жизней, сколько было покалеченных, сколько нам это стоило – отдельная история. Но ты просто понимай последствия.

В 1973 году Саудовская Аравия вводит эмбарго на поставки нефти в Соединенные Штаты Америки и объявляет, что она взорвет нефтепромыслы, если американцы попытаются применить силу. А в 79-м году, когда мы входим в Афганистан, Саудовская Аравия понимает, что ее нефтепромыслы отныне находятся под угрозой с другой стороны, и почему-то отношения между Саудовской Аравией и Соединенными Штатами радикально меняются. Почему? Потому что Саудовская Аравия понимает: ее нефтепромыслы никто, кроме США, не защитит. Один из самых влиятельных в истории этой страны руководитель ЦРУ Уильям Кейси, руководитель избирательной компании Рейгана, один из первых визитов наносит в Эр-Рияд. После этого контекст отношений двух стран радикально меняется, и становится возможным то, что произошло 13 сентября 85-го года. Это заявление министра нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейха Ямани, что его страна радикально меняет нефтяную политику: перестает поддерживать высокие цены, начинает наращивать добычу и свою долю нефти на рынке.

За следующие 6 месяцев Саудовская Аравия нарастила добычу в 4 раза, цены упали в 4 раза, а Советский Союз получил «выпадение» экспортных доходов в размере 20 млрд. долларов, отчего советская экономика толком никогда не оправилась.

Еще раз подчеркиваю: как считало советское руководство, мы импортируем то, без чего жить не можем, а экспортировать можем только сырье, из которого подавляющую часть составляли нефть и газ, цены же на газ привязаны к ценам на нефть. После утраты 20 млрд. долларов резко обострилась проблема снабжения продовольствием больших городов. Советское руководство стояло перед выбором трех возможных выходов из положения.

Первый – распустить восточноевропейскую империю, то есть перестать поставлять нефть и газ в Восточную Европу, перебросить все поставки в страны, которые способны платить за это конвертируемой валютой. Это было бы самое разумное решение. Но можно с уверенностью сказать, что любой генеральный секретарь ЦК КПСС, который попытался бы на Пленуме ЦК КПСС объяснить ничего не понимающему советскому руководству, что придется, по сути, отказаться от всех результатов второй мировой войны, имел бы нулевые шансы выйти с пленума генеральным секретарем.

Второй вариант – отказаться от сельскохозяйственного импорта. Но это значило посадить крупные города, включая Москву и Ленинград, на нормы снабжения более низкие, чем те, которые существовали во время второй мировой войны. И это после того как мы 70 лет рассказывали, что ведем народ к счастливому будущему. Это после того, что советское руководство наблюдало в Новочеркасске.

Третье – практически остановить военное производство, остановить инвестиции, импорт комплектующих из-за рубежа, остановить Тольятти, например, множество военных городов. Это был бы конфликт со всей элитой и множество локальных конфликтов.

Что делает советское руководство? Оно принимает мужественное решение: закрыть глаза на происходящее и надеется, что как-нибудь все образуется. Но, закрыв глаза, ты должен, тем не менее, обеспечивать 40 млн. тонн импорта зерна. За счет чего? Понятно: ты занимаешь. Начали в массовых масштабах занимать деньги, чтобы профинансировать сельскохозяйственный импорт. У Советского Союза к 85-му году прекрасная кредитная репутация, лучше, чем у Китая. Кредиторы нам говорят: занимайте, пожалуйста, дорогие друзья. Занимайте год, занимайте два, три, а на четвертый год вам говорят: дорогие друзья, хватит занимать, теперь отдавайте, у вас, кстати, половина кредитов – короткие, до года. Мы отвечаем: но нам же надо продовольствие закупать!

Говорят, надо, тогда идите к нашим правительствам и просите их. Документы, подтверждающие этот диалог, приведены в моей книге «Гибель империи».

Особенно забавно, когда мне рассказывают, каким предателем советского народа был Э Шеварнадзе. Я цитирую документы, направленные ему от советских ведомств с трогательными просьбами: любой ценой добиться политически мотивированных кредитов от руководства западных стран. Ну, а что делать-то? Когда вы просите политически мотивированные кредиты, то есть не у коммерческих банков, а у правительств, они всегда имеют политический контекст. Если бы в 1985-м году советским руководителям сказали, что Советский Союз будет вести переговоры о политических уступках, на которые он готов пойти в обмен на политически мотивированные кредиты западных стран, то никто бы не поверил. А в 89-м году это становится важнейшим элементом всей официальной переписки, связанной с внешней политикой. Если вы просите политически мотивированные кредиты, у вас радикально меняется контекст отношений. Тогда о равенстве уже речь не идет, тогда вы должны соблюдать правила игры, которые предлагают вам люди, у которых вы настоятельно просите денег.

В Восточной Европе всем становится понятно, что Советский Союз в этой ситуации не способен применить против них силу, на которой держалась вся восточноевропейская империя. С этого момента восточноевропейские режимы рушатся в течение нескольких месяцев.

Но все это не ограничивается Восточной Европой. Если вам позарез нужны деньги, то это оказывает влияние и на внутреннее положение страны, и на то, что вы можете, а чего не можете сделать. А у вас начинает рушиться та отрасль, от которой, собственно, зависят ключевые параметры вашей экономики – нефтяная. Выше приведены материалы совещания правительства Советского Союза, посвященного состоянию нефтяной отрасли. Оно связано с тем, что мы не можем в достаточном объеме закупать необходимое западное оборудование и комплектующие материалы. Председатель Госплана Маслюков: «Это все приведет нас к самому настоящему краху и не только нас, но и всю нашу систему». Ему отвечает руководитель правительства: «Я вижу, не будет нефти – не будет экономики страны». Они реалистично оценивают ситуацию. В следующем году добыча нефти упадет на 54 млн. тонн. А, повторяю, от нефти зависит снабжение продовольствием крупных городов.

1989 год – это только начало кризиса. Не хватает 30 млн. тонн зерна для мало-мальски нормального снабжения населения хлебом, а животноводства – кормами. Откуда взять денег, когда цены на нефть упали в 4 раза, а добыча нефти падает на 54 млн. тонн в

год? Мы начинаем срывать графики отплаты наших обязательств, и нам перестают поставлять зерно.

Между прочим, население тогда все прекрасно понимало, это сейчас не понимает, забыли люди то время. Вот опросы ВЦИОМа весной 90-го – это еще не пик кризиса, до него ещё далеко, больше года. И, тем не менее, уже более половины опрошенных сочли возможным наступление экономической катастрофы, 42% - голода, 51% - перебоев с подачей воды, электроэнергии. И руководство, кстати говоря, неплохо понимает ситуацию. Вот как описывает её член Политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Гидаспов: «Вот трахнет кто-нибудь по витрине в Ленинграде – начнется контрреволюция, мы не спасем страну».

Складывается катастрофическое положение с запасами муки – у нас нет денег ее покупать, у нас нет ресурсов, необходимых для снабжения городов без импорта. Нам не дают кредитов. Что делать? Вот ещё один документ. Советскому руководству докладывают: деньги кончились вообще. Их нет. Совсем нет. То есть мы не знаем, на что нам содержать посольства, как оплачивать их счета за электроэнергию. И мы не можем вывезти персонал посольств, у нас на это тоже нет денег.

Попытка переворота 19-20 августа 1991 года была заведомо обреченной по экономическим причинам. У инициаторов путча не нашлось надежного полка, который был бы готов убить достаточное количество людей, собравшихся у Белого дома, чтобы обеспечить им политический контроль. А такое уже случалось – у царя, который отдал приказ стрелять 25 февраля 1917 года, тоже не нашлось такого полка. Это бывает. Но я могу себе представить: нашелся бы полк, и что? От этого прибавилось бы валюты? Прибавилось бы зерна? Кто-нибудь дал бы под это кредит? Никаких шансов удержать власть у них не было. Когда я читаю, как премьер-министр Павлов напился вдребадан в ночь принятия решения о введении чрезвычайного положения, легко его понимаю. Он лучше других организаторов путча сознавал экономическую безнадежность этого мероприятия.

На этом фоне Борис Николаевич Ельцин и принял реальную ответственность за происходящее. Что он получил? Страну, в которой нулевые резервы валюты, а страна на протяжении последних 10-ти лет привыкла быть крупнейшим в мире импортером зерна. Он получает информацию о том, что резервов зерна хватит в идеальном варианте до начала февраля, а урожай в России собирают, начиная с июля. Информацию, что добыча нефти упала на 54 млн. тонн и, по инерционному прогнозу, должна упасть не меньше, чем на 60 млн. тонн в следующем году. При этом он понимает, будучи человеком, политически грамотным, что после краха политической системы Советского

Союза за этим последует крах армии. Кому уже теперь подчиняется, скажем, мотострелковая дивизия на Украине? Да черт его знает – кому, но Кравчук сказал, что подчиняется ему.

Идея взять зерно, просто используя методы 17-18 годов, применив неограниченный объем насилия, была заведомо несостоятельна, можно сказать – планомерно убыточна. Что остается делать? У тебя не остается другого выхода, кроме как предложить за зерно ту цену, за которую его готовы продавать. Это означает либерализацию цен.

Либерализация цен – страшное дело, советская элита боялась этого до судорог. Все понимали, что человек, который пойдет на либерализацию цен, это политический самоубийца. Борис Николаевич собирает государственный совет, собственно, все руководство страны, и говорит, что, на его взгляд, другого выхода нет. Там сидит Хасбулатов, сидит Руцкой, но есть ли кто-нибудь, кто не согласен с Ельциным? Есть ли у кого-нибудь другие идеи? В ответ на его вопросы – мертвое молчание. Я, говорит Ельцин, это так понимаю, что все согласны.

Это потом будут люди, которые скажут, что это было идиотское решение, безответственное, которое ограбило народ и т. д. Но тогда – мертвая тишина. Да, все согласны.

Он идет на это. Он самый популярный политик в стране, и он конвертирует эту популярность в то, чтобы мирно расформировать Советский Союз, получить обратно ядерное оружие, и для того, чтобы спасти страну от голода. Дорогой ценой, в том числе ценой своего политического капитала. После этого ему говорят все, ближайшее его окружение: слушайте, ну, теперь, когда уже все сделано, ключевые проблемы решены, вот эти вот ребята, которые в правительстве, они цены отпустили, давайте скажем сразу народу, что да, допустили ошибку, позвали каких-то странных неопытных ребят... Теперь ошибку поправим. К сожалению, цены обратно заморозить нельзя, но мы, конечно, прежних поменяем, поставим опытных хозяйственников... Это, мол, единственно возможная политическая тактика.

Что он делает вместо этого? Он летает по ключевым городам России и объясняет, что все, что сделано, совершено на благо России и по его личному указанию. Ему это тяжело. Мне Немцов рассказывал, что Ельцин прилетел к нему буквально в первые дни после либерализации цен в Нижний Новгород, пошел встречаться с людьми, в магазин пошел. Люди ему говорят: Господи, что же это такое, что за ужас, это же катастрофа, разорили, ограбили, убили. Это ему, который привык, что его всю жизнь на руках носит народ, потому что он харизматический политик. Он объясняет им, что да, надо было. Это полезно, ничего страшного, приходится пострадать. Потом садится в

машину, закрывает глаза руками, говорит: что же я наделал? Надо же понять, каково было с этим столкнуться публичному политику, привыкшему быть любимым. Нет, все равно не сдается, продолжает ту же политику. Ну а дальше?

Восстановить экономический рост после краха Советского Союза было не просто, и удалось это сделать не быстро, но он оставляет своему преемнику растущую экономику. Восстановить нефтяную промышленность после краха 80-х было не просто, но он оставляет своему преемнику растущую добычу нефти. Он оставляет своему преемнику золотовалютные резервы, которые были в сотни раз больше тех, что получил сам.

Он оставляет своему преемнику страну, еще социально не устроенную, но уже гораздо менее неустроенную, чем та, которую он получил.